Гарри опустился на пенек, чтобы перевести дух. Он бродил по лесу уже несколько часов, и единственными признаками жизни были пение птиц, жужжание насекомых и порхающие бабочки, разделявшие с ним это зеленое царство. Возможно, стоило обойти лес стороной, опасаясь заблудиться окончательно. Но что-то в его тихой глубине манило его. Запах влажной хвои и шепот ветра, ласкающего листву, втянули его в эту чашу, не оставив иного выбора. — Я обычно не бросаюсь в неизвестность, — пробормотал он, пытаясь списать все на свою импульсивность Гриффиндора, но внутренний голос не давал ему покоя. — Только если на кону не стоят жизни. Конечно, учитывая его прошлое, такие ситуации случались нередко. Но сейчас все было иначе. Он посмотрел на ракушку, все еще сжимаемую в руке, и задумался вопросом, зачем он взял ее с собой. — Нужно было оставить, — шепнул он себе, но какая-то часть его души отказывалась расставаться с ней. Это была та самая часть, которая влекла его в лес, та, что наслаждалась его ароматами и ощущениями, та, что инстинктивно собрала несколько ягод, понимая, что они съедобны. Он все еще сжимал ракушку, чувствуя себя потерянным и одиноким в этом новом мире, жаждущим хоть какой-то опоры, хоть чего-то настоящего. Гарри замечал в себе и другие перемены. Самой раздражающей была вспыльчивость, напоминающая детскую непосредственность: — Завидев дерево причудливой формы, — мыслил он, — я ощутил непреодолимое желание вскарабкаться на него без всякой причины, просто потому, что это выглядело... забавно. И он взобрался, с ловкостью, легкостью и грацией, которые ошеломили его самого. Когда вокруг него закружилась бабочка, он с трудом сдержал непроизвольное желание хихикнуть. И только позже, наткнувшись на небольшую лужайку, усыпанную цветами всех оттенков, он не смог сдержать этого желания. Тогда он засмеялся, бегая среди них, и из его горла вырвался такой звонкий, невинный, счастливый звук, что он сам удивился, как вообще способен на это. — Эти детские порывы, — рассуждал он, снова поднимаясь, чтобы продолжить путь, — скорее всего, побочный эффект того, что я снова стал... ребенком. А другие изменения, вероятно, связаны с моими предками, с той самой кровной линией, о которой говорили голоса. Он мало что мог сделать с происходящим. — Я просто надеюсь, что скоро смогу справиться с этими детскими желаниями, — прошептал он, отправляясь вглубь леса. Если бывший волшебник чего и ненавидел, так это чувство беспомощности, зависимости и отсутствия контроля. Во время своего пребывания в мире магии он часто чувствовал себя марионеткой, символом или оружием для других. Он презирал подобное использование, но еще хуже, чем быть козлом отпущения или общественным спасителем, было даже не контролировать свое собственное тело и существование. И хотя эти детские порывы и чувства не были похожи на преследования СМИ или проклятие Имперуса, они все равно пугали его. Уже стемнело, а он все еще не добился ничего. По крайней мере, он не мог сказать этого с уверенностью. Как бы он ни предпочитал оставаться один после окончания войны, но оказаться в одиночестве, в другом мире, вдали от всех, кто хоть отдаленно напоминал человека, было, пожалуй, чересчур. — Проводить весь день в прогулках, время от времени играя и смеясь, имея слишком много времени для размышлений, — мыслил он, — не слишком способствует моему здравомыслию. Ах да, и давайте не будем забывать о том, как его изменили, превратив в детское, не совсем человеческое существо. — Как эти голоса называли людей, чья кровь текла в его жилах... эльдар? — промелькнула мысль. Как бы то ни было, его способности, казалось, радикально улучшились. Он мог видеть, слышать и чувствовать запахи гораздо лучше, чем раньше. Его тело стало намного проворнее, и он сам удивился тому, как долго смог идти. — Учитывая, что у меня тело ребенка, — подумал он, — я ожидал, что устану гораздо раньше, чем обычно. На самом деле его выносливость не уменьшилась и не увеличилась. Тем не менее, он не мог идти бесконечно долго. И хотя, несмотря на темнеющее небо, он все еще хорошо видел, куда идет, усталость настигала его, и он понял, что должен найти место для ночлега. Не видя нигде никакого укрытия и не имея ни знаний, ни сил, чтобы что-то соорудить, он вынужден был довольствоваться тем, что просто лежал где-нибудь. В конце концов, инстинкты, пришедшие с новым телом, привели его к поросшей мхом щели между корнями большого дерева. Там он

свернулся калачиком и позволил сну овладеть собой.

<http://tl.rulate.ru/book/102875/3569511>